

Александр Шевцов

Тойди тудда, не знаю куда

Книга вторая
ПТИЧИЙ ЯЗЫК

Александр Александрович Шевцов

Пойди туда, не знаю куда.

Книга 2. Птичий язык

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56017749

Пойди туда, не знаю куда. Книга 2. Птичий язык: Роцца; Иваново; 2019

ISBN 978-5-604254-16-5

Аннотация

«Три вещи для меня определяют Россию, а отношение к ним – русского. Можно сказать, именно в них скрывается тайна загадочной русской души! Воздух, огонь и дорога!

Нет русского, для которого бы дорога не была поводом для чувств. Иностранцы тоже могут сравнивать российские дороги со своими, но для них это не повод для переживания. Русский без чувства о русской дороге говорить не может! Когда Гоголь восклицает: «Какой русский не любит быстрой езды?!» – он говорит именно об этом отношении русской души к дороге.

О воздухе России тоже ведь немало сказано. Иногда о нем говорят, как о просторе, и не очень понимают, что переживают при этом именно воздух Руси. И когда дым отечества нам сладок и приятен, это тоже переживание русского воздуха. Иногда же вообще не связывают свои чувства с воздухом, например, говоря о воле. Но стоит сказать: «Воля вольная!» – и ты видишь

огромный простор, заполненный воздухом, в котором гуляют ветер, пули и сорви-головы!...»

Содержание

Присказка	7
Пицца наша	11
Знания	20
Трон могущества	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Шевцов
Пойди туда, не знаю куда.
Книга 2. Птичий язык

В оформлении книги используются «Небрежные рисунки» автора.

© А. Шевцов, 2018-2019.

© А. Шевцов, иллюстрации, 2019.

© Издательство «Роща», оформление, 2019.

Присказка

Три вещи для меня определяют Россию, а отношение к ним – русского. Можно сказать, именно в них скрывается тайна загадочной русской души! Воздух, огонь и дорога!

Нет русского, для которого бы дорога не была поводом для чувств. Иностранцы тоже могут сравнивать российские дороги со своими, но для них это не повод для переживания. Русский без чувства о русской дороге говорить не может! Когда Гоголь восклицает: «Какой русский не любит быстрой езды?!» – он говорит именно об этом отношении русской души к дороге.

О воздухе России тоже ведь немало сказано. Иногда о нем говорят, как о просторе, и не очень понимают, что переживают при этом именно воздух Руси. И когда дым отечества нам сладок и приятен, это тоже переживание русского воздуха. Иногда же вообще не связывают свои чувства с воздухом, например, говоря о воле. Но стоит сказать: «Воля вольная!» – и ты видишь огромный простор, заполненный воздухом, в котором гуляют ветер, пули и сорви-головы!

Это все очевидные вещи. Но даже когда мы чувствуем, что нам охота летать, мы говорим о власти над воздухом!

Что же касается огня, то к нему, как и к самой Матушке-сырой-земле отношение двойственное. Когда крестьянин из Нечерноземья России говорит, что земля у нас неплодная,

в его словах такая же горечь, как и в душе. Но нельзя сказать, что там меньше любви к ней. Так и с огнем!

Кто же не знает, сколько горела Русь! В этих пожарах гибло все, что удавалось накапливать: города, библиотеки, достигнутые возможности. Очень трудно последовательно накапливать качество, если чуть ли не каждый год приходится бросать то, чем занимался, и браться за топор, чтобы строить заново самые простейшие основы жизни...

Однако смотреть в огонь в камине – совсем не то же самое, что смотреть в него в костре или на пожаре. Вид усмиренного и прирученного огня порождает совсем иной склад ума, чем вид той его части, которая в любой миг может вырваться и стать стихией. Когда часто стоишь перед ликом стихии, приспособливаешься и сам становишься чуточку стихийным. Мир предъявляет требования, а гибкие человеческие существа меняют себя, чтобы выживать в таком мире.

Когда долго смотришь в огонь, он начинает смотреть в тебя. И если ты ему нравишься, он может с тобой говорить. Многие сошли от этого с ума и стали деревенскими дурачками. Раньше таких на Руси было много, потому что огонь был одним из богов, потрясающих воображение первобытного человека. Сейчас огонь кажется усмиренным, и потому не вызывает прежних чувств. Мы перестали ощущать себя странниками, очарованными огнем...

Почему странниками? И почему странник может быть очарован огнем, а, скажем, не дорогой?

О, это надо объяснять! Ведь надо? А раньше не требовалось, раньше это было очевидно. В древности люди были так очарованы огнем, что могли целые вечера сидеть, глядя в него. И им открывалось, что огонь не един. Огонь состоит из жара и пламени. Жар сжигает, а пламя холодное, и в него можно войти. Огонь соединяет все миры. Есть огонь на земле – это костер, печь и пожар. Есть огонь в небесах – это солнце. Есть огонь в поднебесье – это молния. И есть даже черный огонь под землей.

Как огонь может проникать сквозь границы миров? Это открывается тем, кто способен долго смотреть в огонь умственным взором. Кроме жара и пламени в огне есть еще одна часть – дуличь. Она не горячая и не холодная, она пронизывающая и порождающая движение. И она связывает все со всем, и всех со всеми. Но не все ее видят, а потому чувство сродства теряется меж людей.

В этот раз огонь сердца так гнал Нетота, что он не смог ждать и пришел к своему Учителю воздушной дорогой, пролетев над всеми теми тропами, которыми ходил по болоту. Но чем тщательнее он старался повторить изгибы тропок и дорожек внизу, тем больше накапливалось ощущение, что над земляной дорогой тянется невидимая стена или струя, которая, если в нее попасть, обжигает.

Когда он вошел в кабинет Учителя, тот, как всегда, ждал его за столом.

– Да ты загорел! – воскликнул он, улыбаясь и усаживая за

стол. – Ну и каково это ощущать себя обожженным невидимым огнем?

Пицца наша

Учитель кормил Нетота, предлагая ему разные блюда:

– Мяса? Вареного или копченого? Приправку положить?

Вот с хренком. А вот с горчишкой. А такую ты не пробовал?

Это из сыра сделана... Ты сыр будешь?

– Буду!

– Тогда не ешь мясо, сыр надо есть на чистый желудок.

Чтобы вкус не перебивать. Сыр – вещь тонкая! Смотри,

сколько тут у нас сыров. Если испортишь себе вкус мясом, не

распробуешь сыры. Вот обычный, деревенский. В сущности,

не сыр, а творог. А вот козий. Овечий. Вот с плесенью...

– С плесенью?!

– О, это не та плесень! Это съедобная плесень, она дает

особый привкус и улучшает переваривание...

– Как плесень может улучшать переваривание?!

– Ты же охотник! С чего волк начинает есть кабана или

лося?

– С брюха.

– Верно. Почему? Потому что он сам растительную пищу

переваривать не может, а она нужна. Поэтому он сначала ест

растительную пищу, переваренную другим животным, кото-

рое умеет ее переваривать...

Тут он вскинул голову, словно прислушиваясь, поднялся

и пошел к окну. Как только он распахнул створки, в окно

влетел Крук, грохнулся на стол и сходу принялся клевать сыр

с плесенью, косясь на Нетота.

– Привет, – сказал Нетот, но Крук лишь буркнул в ответ что-то невнятное.

– Вот-вот! – воскликнул учитель. – Ты знаешь, сколько лет живут вороны?

– Сотню, – ответил Нетот.

Учитель что-то пробормотал Круку, и тот поскрипел в ответ.

– Сотню! – усмехнулся Учитель. – Мелко плаваешь. Крук вообще на тебя обижен, и на эти слова в том числе.

– В смысле? Что не так?

– Во-первых, ты не приветствуешь его, как полагается. Во-вторых, ты, на его взгляд, принимаешь его за ворону, а не за ворона!

– Ни за какую ворону я его не принимаю... – развел Нетот руки в знак искренности.

– Да ты ведь сам не знаешь, что делаешь. Вороны могут жить и сотню лет. Но те из них, что приобщены к Знанию, могут жить много сотен, а некоторые, – тут учитель приподнялся и почтительно склонил голову в сторону Крука, – и тысячи лет.

Крук скосил в сторону Нетота глаз, словно проверяя произведенное этими словами впечатление. Нетот действительно проникся, приподнялся и повторил тот поклон, что показал Учитель. Крук задрал клюв кверху, покашлял, потом, словно не удержавшись, склонил голову в ответном поклоне.

Учитель рассмеялся, наблюдая их общение, и в его сторо-

ну тут же полетела белая струя, а ворон принялся клевать свой тухлый сыр.

– М-да, – покашлял Учитель, стирая белые брызги с сапог, – неловко вышло. Надеюсь, мне будет предоставлена возможность исправить эту неловкость... Так вот, стало быть, ворон может жить сотни лет, а сколько лет живет овца?

– Десяток, – ответил Нетот.

– Если раньше не зарежут, пока мясо помягче. Кстати, зачем нужно мясо помягче?

– Ну, чтобы елось легче.

– А зачем хищникам выедать брюховину, ты уже понял. А вот зачем вороны мертвечину клюют, не понял?

– Э-э... Клюют и клюют...

– Наверное, им это просто нравится? Любят, когда пахнет тухлым...

Крук начал разворачивать свою пушку в сторону Учителя, и тот тут же протестуяще выставил руки ладонями вперед.

– Действительно, – откликнулся Нетот. – А ведь я не задумывался даже. Да и никто не задумывался... Но тут должно быть какое-то объяснение, причем, важное!

Крук приостановил наведение главного калибра, склонил голову набок и с интересом уставился на Нетота.

– Ну да! – воскликнул Учитель. – Травоядные едят то, что хищники даже переварить сами не могут. Трудную пищу. И живут мало, зато плодятся хорошо... Хищники едят пищу полегче, но размножаются не так быстро, зато живут

подольше...

– Как будто тут не случайная связь!

– Ну да. Верно. Ты сделал маленькое открытие!

– Можно подумать, до меня этого никто не замечал? – усмехнулся Нетот. Потом рассмеялся. – До меня! Ты все разложил, а я открыл! Можно сказать, ты разжевал и в рот мне положил, я только глотаю... – и тут его словно пробило, так что он даже есть прекратил. – И до сих пор усвоить не могу!

– Да ну?!

– Слушай... погоди... Я ведь не понимаю, что ты мне сказать хочешь! Я так хорошо все понимал! Каждое слово понимал! Даже спорить мог. А сейчас гляжу в себя: там пусто! Что ты сказать-то мне хотел?!

Учитель захохотал, а Крук вторил ему.

– Ладно, ладно! – замахал руками Нетот. – Я понял! Понял! Чем легче пища, которую ты ешь, тем дольше ты живешь! Если за тебя ее кто-то переварил, ты сможешь съесть даже то, что для тебя несъедобно! Поэтому надо научиться есть переваренную пищу...

– Может, научиться находить тех, кто ее для тебя будет переваривать? И сжирать вместе с ними! – и учитель с Круком снова захохотали.

Нетот тоже засмеялся, но уже не так легко.

– Действительно, волки съедают тех, кто для них переваривает траву, но живут не сотни лет...

– Да и трава у них в животах перестает перевариваться,

поскольку овца съедена и больше не переваривает эту траву. Так что усваивается только то, что уже было переварено к этому времени. Остальное – лишнее.

Учитель с улыбкой прекратил разговор и принялся угощать Крука кусочками сыра. И оба они выглядели такими хитрыми, что Нетот начал чувствовать, что на него глядят без глаз. Это его завело, и он сделал какое-то внутреннее усилие, словно толчок или прыжок внутри себя, и дотянулся до чего-то плотного, что, тем не менее, уплывало из-под него:

– Погоди, погоди... Если ворон ест тухлятину и живет сотни лет, значит, это не вредно!

– Ну, кому как! – откликнулся учитель. – Ты же ешь овощи. Вот, кстати, не хочешь ли пареную репку с вареной свеколкой?

– Ну да! Я-то точно сдохну с тухлятины!

– Пищевые отравления мясом – самые опасные!

– А он недохнет! Значит, у него желудок приспособлен!

– Да, но это не важно!

– Как не важно! Еще как важно! Я тоже так хочу! Но мне нужен такой желудок, чтобы не отравляться тухлятиной!

– Так ведь и медведь, и кабан, и даже волк могут пожирать тухлое. Вероятно, и ты можешь, если поработаешь над этим. Стоит ли оно того?

– А что стоит?

– Ну, скажем, понять, что же делает ворона вороном?

– Похоже, тухлое – это тоже переваренное. Только не ов-

дой. Ведь любят же некоторые рыбку с душиком!

– Точно, откликнулся Учитель. Северные народы именно так и едят рыбу. Как, по-твоему, почему?

– У них там травы мало! Они привыкли есть мясо и рыбу.

– Ну, резонно! Их тела легче переваривают мясную пищу, значит, и ты можешь развить в себе способность есть тухлое, словно наполовину переваренное. И будешь жить долго, как ворон!

– Сто лет? Так ведь человеческий век и так сто лет. Кстати, почему? – Тут Нетота осенило, и он даже хлопнул себя по лбу. – Потому что мы знаем, как сделать пищу съедобной! Мы ее варим!

Учитель засмеялся, а Крук, который до этого вслушивался в мысли Нетота, облегченно принялся клевать сыр.

– Конечно, – продолжал бушевать Нетот, – можно научить тело есть тухлое, поскольку оно частично переваренное, а можно научиться варить пищу, и она будет вареной, и тогда ты живешь сотню лет! И все потому, что ты тратишь на переваривание пищи меньше сил?

– На переваривание и добывание, – поправил Учитель.

– Так, а почему тогда некоторые вороны живут тысячи лет?

– Ну, наконец-то! – улыбнулся Учитель. – Вот и добрались до настоящих вопросов! Может, спросишь его?

– Крук, – обратился Нетот к ворону. – А почему ты живешь так долго?

Ворон фыркнул, повернулся к Нетоту боком и принялся раздалбывать новый кусок сыра.

– Не отвечает? – посочувствовал Учитель. – Беда... Может, дело в пище?

– То есть?

– Может, ты усмотришь связь между собой и тем, что ешь?

– В смысле, что я ем, то я и есть?

– Именно!

– А как ее усмотреть?

– Ну, собственно, у тебя только два пути. Либо спросить об этом у Крука, либо задаться вопросом и ответить на него самому.

– А как я у него спрошу?

– Что, языков не знаешь? Ну, ты же понимал зверей!

– Так я тогда сам зверем был.

– Ты слышал, старина? – усмехнулся Учитель. – Он считает, что надо быть зверем, чтобы тебя понимать!

Ворон презрительно закашлял, развернулся к Нетоту задом, но пожалел лежавший между ними сыр и струи не выпустил. Однако Нетот понял всю меру презрения, которую тот выказал.

– Смотри-ка, что-то ты можешь понимать, и не будучи зверем! – воскликнул Учитель. – А тебе, вообще, не кажется это странным, что ты собрался идти за умом к зверям, а не наоборот?

– Наоборот?

– Ну, вроде как это ты носитель ума. Ты же человек!

– И это я должен понимать всех остальных? Раз я их перерос...

– Отведай варенья с сыром, – предложил тут Учитель. – А с салом не пробовал? О, удивительно сочетание, и, кстати, пикантное, но вкусное!

Нетот хотел отмахнуться от приставаний учителя, но тут нечто большое начало шевелиться в нем. Какое-то понимание. И когда он в него взгляделся, то осознал, что оно всегда было и шевелилось, но было столь большим, что он просто не замечал его, поскольку сам был слишком мелким, чтобы вмещать такое!

– погоди, погоди! Это значит, что Крук жрет не мертвечину! Он ест что-то такое, что само по себе бессмертно! И становится бессмертным!

Крук выплюнул последний кусок сыра, Учитель вежливо кашлянул, Крук покосился на него, присел в легком поклоне, словно извиняясь, подобрал выпавший из клюва кусок, проглотил и молча устался на Нетота. Учитель тоже молча ждал следующего шага мысли.

– А что может быть бессмертным? Какую пищу нужно есть, чтобы стать бессмертным самому?! – вдруг выкрикнул Нетот неприлично громко, но, кажется, в этом случае приличия больше не имели значения.

Знания

Нетот как-то потерял желание есть, жевал, не чувствуя вкуса, и все смотрел на ворона, пытаясь понять, что же даст ему такую долгую жизнь. Вдруг ворон оторвался от куса сыра, вскинул голову, словно прислушиваясь, и, подпрыгнув, перелетел на подоконник. Уселся и требовательно по-

смотрел на Учителя. Тот встал, подошел и раскрыл окно.

Через несколько мгновений с той стороны окна появилась сорока, села на ветку и принялась трещать. Ворон буркнул что-то и прыгнул обратно на стол. Учитель закрыл окно и поставил на стол еще один чайный прибор.

– Ждете кого-то? – спросил Нетот.

– Обещался быть в гости один... Крук, можно его назвать человеком?

Крук как-то странно фыркнул, так что Учитель только развел руками:

– В общем, к нам гость. Ты не против?

– С какой стати?!

– Так по твою душу, поди, если сороке верить. Дак кто ж им верит?!

От этих слов у Нетота начала отвисать челюсть, но он вовремя ее подхватил, чтобы не выглядеть уж совсем дураком.

– Это ты правильно, – кивнул Учитель. – Перед таким гостем надо выглядеть умным. Кстати, что там с пищей воронов? Догадался или нет?

– Гадаю... – нахмурился Нетот.

– Не думаю.

– Что не думаешь? Догадаюсь ли?

– Не думаю, что гадаешь. Думаю, что пытаешься придумать. Или надумать.

– Почему это? Именно гадаю. Думать даже начать не могу, ничего в голову не идет. Даже зацепиться не за что.

– Похоже, ты совсем не знаешь разницы между «думать» и «гадать»... – покачал головой Учитель. – Так ты собираешься у меня учиться?

– Конечно! Я всех колдунов прошел. Столько пережил! Понял много.

– А что такое учиться, понял?

– Ну... – перед внутренним взором Нетота пробежали воспоминания о тех учителях, у которых он за это время побывал.

– Понятно. То есть ты ощущаешь, что учиться умеешь, но что при этом делаешь, сказать не можешь.

– Знания получаю.

– Знания! Вот найдено правильное имя! Как?

– Хочется сказать, думаю.

– Это ты о том, как знания получаешь, или о том, как имя найдено?

– О том, как получаю. Похоже, запоминаю, когда нахожу.

– То есть, знания ищут? А они где-то в мире хранятся. Или валяются, потерянные. Пока не найдется кто-то, кто их подберет и принесет людям?

Нетот почувствовал, что теряется от этих слов, и решил вернуться туда, где ощущал себя хозяином.

– Нет, сначала все же делаю что-то, пытаюсь то есть сделать, потом думаю об этом и, когда обдумую, запоминаю.

– То есть знания не ищут, а добывают? И даже создают! А сами по себе они – память? И все, что у тебя в памяти –

это знания?

– Ну, может, не все. Еще там куча хлама...

– Например?

– Всякая дрянь про то, где был, кого видел, с кем болтал...

– А это не знания?

– Как-то нет...

– А если бы за тобой какой разведчик или дознаватель следил, то мог бы он сказать: «Теперь мы знаем, где он был, с кем виделся и с кем разговаривал»?

– Мог бы, конечно. Но я хочу сказать, что эти знания не то, что я хочу изучать. Они как бы не того качества!

– А того качества, это когда подумаешь?

– Ну да! Для настоящих знаний какое-то усилие нужно. Они словно сами собой не входят. Вот, понял! Есть знания, которые сами в голову лезут...

– В сознание, – поправил Учитель.

– ...в сознание лезут. А есть такие, которые добывать надо, завоевывать. И они словно бы настоящие и ценные!

– Легкие знания – это плохие знания. А вот то, что сопротивляется быть знанием и никак в него не превращается, – это то, на что жизнь потратить не жаль?

– Странно, – почесал голову Нетот. – Но ощущается именно так...

– А эти, что сами собой в нас входят, это не ценное и не настоящее? Хотя при этом оно прямо о том, как жить в этом мире. И чем его больше, тем легче жить. Иностранец не зна-

ет всей этой каши, и ему очень трудно. Он словно дитя, дурачок...

– Ему русским языком говорят, а он его не понимает, – засмеялся Нетот, и ворон неожиданно подхватил его смех.

– То есть, самое нужное для жизни в этом мире, что делает жизнь проще и легче, нами не ценится, а нужно нам чего-то особенного, вроде сыра с плесенью... А зачем? Зачем может быть нужен сыр с плесенью?

Нетот задумался:

– У меня только одно предположение – чтобы ощутить себя иностранцем.

– То есть жителем не нашей страны, не русской земли?

Нетот снова задумался, и задумался так глубоко, что с удивлением увидел, как его рука сама собою отодвигает еду. И по мере того, как еда освобождала место в его сознании, оно заполнялось чем-то иным. И это иное вдруг захотело вскричать и вскричало:

– Стало быть, знания трудные, с усилием, нужны, чтобы стать человеком не этой земли?

Учитель вскинул брови в удивлении, а Крук снова выронил кусок сыра изо рта.

– Догадливый!

Крук взял свой кусок сыра и положил его перед Нетотом, словно в знак признания. Нетот почувствовал, что это важное действие, склонил перед вороном голову и отщипнул от сыра кусок, а остальное опять же с поклоном вернул.

– А как ты догадался? – спросил Учитель, с улыбкой наблюдавший за их общением.

– Не знаю.

– А не надо знать. Я тебя не о знаниях спрашиваю. Я спрашиваю, как ты это делал?

– Подумал.

– Да ну! Ты называешь это думать? Древний, – повернулся учитель к ворону, – теперь люди это действие называют думать! – и они с Круком осуждающе помотали головами, словно печальась о судьбе человечества.

– Просто гляди в себя, – снова повернулся Учитель к Нетоту, – гляди в воспоминание, пройди заново по ощущениям, которые были.

Нетот вспомнил, как однажды на болоте гулял по собственной памяти, восстановил перед внутренним взором то, как шел к мысли об иной земле, и попытался прожить это заново. Но восстановил только то, как делал усилие, как лезли в голову мысли, что Учитель не захочет возиться с посредственностью, и нужно показать себя умным и сообразительным. А потом вдруг выскочил ответ. Как выскочил?! Откуда выскочил?!

– Чего-то я не вижу, как думал, – расстроено сказал он. – Вижу, как понуждал себя думать, а потом вдруг сразу понялось...

– Стало быть, знания как-то связаны с пониманием?

– Похоже!

– А можешь ты придумать понимание?

Нетот рассмеялся:

– Как это – придумать понимание?! Вещь придумать можно! Слова. Загадку. А как придумать понимание?! Это что-то другое! Понимание приходит.

– И что нужно, чтобы оно пришло?

Нетот хотел дать быстрый ответ, но заметил, как насторожился ворон, и остановил себя, подозревая, что беседа не пустая, и в ней уже есть все подсказки. Он пробежался взглядом по всему разговору, начиная с того, что ест ворон, живущий тысячу лет, и вдруг, словно сам себе не веря, выговорил:

– Чтобы пришло понимание, нужно гадать...

– Вот ведь какая хитрость! – воскликнул Учитель, и они с вороном снова рассмеялись. – Гадать нужно! А нам все говорят: «Не гадай, учись!» С самого детства учат не гадать! Не ходить этим путем! Прямо вбивают в головы: нужны настоящие знания, крепкие, действительные! А мы, русские, – лентяи, мы ленимся читать немецкие и английские книжки, где написано, как их машины работают. Мы берем эту машину, описание мудреное выкидываем и начинаем тыкать в нее пальцем наугад! И ведь случается, что и заработает!

– Ну да! Бывает, ломается, – засмеялся и Нетот, – но потом обязательно разгадают немецкую хитрую штуковину и запустят так, как она и работать не должна!

– Что же такое гадать, в таком случае?

– Получается, гадать – это то же самое, что и учиться.

Только когда мы учимся, мы берем уже готовые знания, а когда гадаем – делаем усилие, чтобы понять самому.

– Получается, так! А знаешь, что слово «гадать» означает?

Конечно, Нетот знал! И даже хорошо знал. Да и какой русский этого не знает?! Но как только он попытался найти точные слова, как знание стало исчезать, словно растворяясь под руками. И сколько он ни делал усилие, имени этому знанию не находилось. Все как-то определялось через само гадание: догадываться, угадывать, предугадывать...

– Слово «гадать» древнее. И настолько важное, что его постарались забыть. Это тем легче, что оно требует усилий. Животное мучить себя усилиями не хочет, оно ищет, где глубже и легче. В древности люди были более склонны к усилию, потому что в них кровь богов была гуще... Теперь той крови в людях почти не осталось, и они научились жить легко. И не любят, когда им тычут в глаза их слабостями... Гадать связано с пониманием, но означает усилие схватывания.

Нетот помотал головой, не в силах схватить сказанное.

– Когда тебе что-то нужно, ты протягиваешь руку. Дотянувшись, ты ощупываешь. Убедившись, что это то, что нужно, хватаешь и тянешь к себе.

– Зачем мне ощупывать, если я вижу? Хотя... я ощупываю глазами?

– Да, – улыбнулся Учитель. – Просто ощупывание взглядом так привычно, что ты не разглядишь в нем то, что надо разглядеть. Поэтому я говорю об ощупывании рукой.

Представь, что ты просунул руку в дверку, приоткрывшуюся в иной мир, и там ищешь то, что тебе надо. Тебе придется ощупывать?

– Конечно.

– Но ты представь, что у тебя на кончиках пальцев выросли глаза, и когда ты ощупываешь, ты разглядываешь. Тебе будет проще понять. Закрой глаза и пощупай стол, поводи пальцами. Видишь неровности, и что на нем лежит?

– Ого! Вижу! Глаза на кончиках пальцев!

– Правда, это глаза другого тела, но не важно. Важно то, что, если ты хочешь учиться, ты должен уметь добывать знания. И ты можешь брать их из чужих книжек и хорошо проживешь животным за счет чужих знаний. Но можешь стать тем человеком, который еще умеет добывать знания сам. Такие теперь редки и будут все реже. Уже добытых знаний для жизни хватает с лихвой, новые людям не нужны. Это умение, если и нужно, то только тебе, и этого никто не оценит. Но в таком случае ты должен научиться делать усилие и схватывать. Ты должен научиться гадать!

– Ага... Схватывать. Вижу. А причем тут пища?

– А притом, что, схватив, ты должен съесть и усвоить.

– Вороны становятся бессмертными, когда едят знания?

– Вещие вороны становятся бессмертными, когда схватывают, едят и усваивают знания!

– Но как?! Где?! Куда эту руку просовывать?!

– Наверное, в те миры, где ты хочешь быть человеком? –

подмигнул Учитель, встал, подошел к стене и просунул в нее руку, словно подавал ее кому-то.

В тот же миг стена замутилась, в ней появилось отверстие, и седой, длинноволосый старик с гуслиями вышел из стены, опираясь на руку Учителя.

Учитель и Крук поклонились ему. Нетот, глядя на них, тоже встал и поклонился.

– Добро пожаловать в мой дом, почтенный Баим! – сказал Учитель, приглашая движением рук к столу.

– Ну вот и привели дороги к тебе в гости, Страж, – засмеялся Старик. – О, и мой старый друг Крук случился в этом месте в это время! – и он поклонился в ответ сначала Учителю, потом Ворону. – А это ищущий пищи? – склонил он голову, рассматривая Нетота. – И чем вас сегодня кормить прикажете?

– Я бы начал со знаний, если вы не возражаете, – еще раз склонил голову Нетот.

Все рассмеялись и начали рассаживаться за столом.

Трон могущества

Крук подкармливал Баима, подсовывая ему кусочки, которые казались ему самыми вкусными. Баим пробовал, а Крук ожидал, оценит ли гость его подношение. И когда тот

кивал, выпятив губу, и цокал языком, довольный Крук принимался выискивать следующий кусочек повкуснее. Учитель просто ел, поглядывая на гостя. И Нетот последовал его примеру, подозревая, что ожидаемое потребует силы.

– Дорога с утра гудит, – наконец, сказал Учитель.

– Две вести заполняют ее, – покивал Баим. – У тебя появился ученик, и Голымбе бросили вызов.

Учитель присвистнул. Крук заволновался и принялся скрипеть что-то мелодичное, словно сказывал какую-то песню, но не на русском языке.

– Кто?

– Он прячет свое имя...

– Опасная игра, – отозвался Учитель. – Видно, немалый человек, раз на такое решился...

Баим заметил, как Нетот переводит взгляд с одного на другого, улыбнулся ему и сказал:

– У тебя напухли вопросы. Еще немного, и ты не сможешь запихивать в рот пищу!

Нетот кивнул и спросил осторожно:

– Можно?

– Спрашивай, – ответил Баим. – Я здесь, чтобы ответить на твои вопросы.

– Как ты оказался там, за стеной? – спросил Нетот и внутренне напрягся, ожидая, что будет выглядеть смешно. Но Баим спокойно ответил:

– Я пришел по дороге.

Это повергло Нетота в легкую растерянность, словно он понимал каждое слово по отдельности, но не схватывал целиком.

– По дороге... Понятно... А как ты там оказался, как раз когда он просунул руку?

– Я пришел по дороге. А он просунул руку как раз, когда я пришел, – ответил Баим.

– Ага... Высокая дорога... Над деревьями!

– Повыше. Это она возле тронов опускается, почему стражам приходится здесь сторожить, чтобы случайные люди по ним не шастали...

– И ненужные тоже, – добавил Учитель.

– А-а... – только и смог произнести Нетот и почувствовал, что, чем дальше, тем больше запутывается. Можно было продолжать эти вопросы, но он не знал, какой вопрос задать, и потому задал тот, что торчал у него в сознании ярче всего:

– Что это за Голымба?

– Голымба? Голымба – это нищий, голь, кто ничего не имеет.

– А зачем тогда ему бросать вызов?

– А, ты вот о ком! Ты разве не слышал про Голымбу? У вас песен про него не поют?

– Нет, вроде...

– Ну, у Голымбы ни кола и ни двора, у Голымбы только горенка одна?

– Нет, не слышал.

– Забывают люди свое прошлое, – печально поглядел Баим на Учителя. – Грустно. Скоро этот народ останется один на один с бесами, и его сожрут...

Учитель печально кивнул:

– Каждый раз, когда это происходит, меня поражает, как легко они отказываются от своего...

– Кровь все жиже, люди все легче... да и яда в крови все больше...

– Но чем жиже кровь, тем сильнее они сопротивляются тому, чтобы помнить свое прошлое. Иной раз порвать готовы тех, кто напоминает. И дальше хуже будет, дальше они совсем озвереют и будут убивать тех, кто попытается беспокоить их память...

Баим согласно покивал головой и повернулся к Нетоту:

– В таком случае тебе бы надо начинать не с этого. Про Древо-то ты хотя бы слышал?

– Про древо?

– Там стояло это древо, тонко высокóе, тонко, тонко высокóе, листво́й широкóе?

Нетот почувствовал, что ему становится стыдно, но вынужден был отрицательно покачать головой.

– Хорошо... То есть, плохо, конечно. Стало быть, от Соколиной книги начинать. Эту ты и подавно не слыхивал?

– Нет.

Баим допил красное вино из серебряной чаши, отодвинулся вместе с креслом от стола, положил гусли на колени

и опустил пальцы на струны.

Нетот впервые видел, как играют на гусях, и это было удивительное зрелище, совсем не похожее на игру на бала-лайке. Левую руку он опустил на струны сверху сразу всеми растопыренными пальцами, а правой принялся перебирать струны, извлекая различные русские наигрыши. Левая вскоре тоже начала ходить по стрункам, то прижимая их, то пощипывая, и Нетот почувствовал, что его тело стало подергиваться изнутри вместе с гудьбой.

Учитель тоже принялся постукивать каблуком о пол, а Крук задергал головой, то вжимая ее в плечи, то вытягивая.

Баим, посмеиваясь, сменил несколько наигрышей, а потом запел необычным голосом:

– Восходила туча сильная, грозная,
Расходилися ветры буйные,
Всколыхалось древо дубовое,
Выпадала из ветвей книга Соколиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сорока сажён,
Поперечины двадцати сажён.
Ко той книге волшебной
Сходилися, съезжались
Сорок волхов и кудесников,
Сорок сороков князей и бояр,
Сорок сороков сильно-могучих воинов,
А простому люду и счету нет...

– О, так это я знаю! – воскликнул Нетот. – Это про Голубиную книгу, калики перехожие через деревню проходили, пели!

Баим, продолжая тихонько наигрывать, легко прервал пение и ответил:

– Голубиной она стала, когда голубь стал к богам отношение иметь. До этого богом у этого народа не голубь, а сокол был, и песня была соколиная. Песнь эту любили, поэтому те, кто хотел, чтобы прошлое забыли, переделали ее... Так прямо брали и заменяли слова, вот и древо из дубового стало кипарисовым...

– Кто это сделал? Враги?

– Враги? – вскинул брови Баим. – В смысле, пришли плохие люди и обидели хороших?

– Ну, кто-то же портил старые песни!

– Не надейся, что я помогу тебе найти врагов этого народа. У него нет хуже врага, чем он сам. И делали это люди из твоего народа, и когда они это делали, свято верили, что улучшают старую песню... Да, у твоего народа есть враги. Как у всякого народа. Но народ справится с любыми врагами, а вот с собой не может... Искать врагов можно, но это мелко. Ищи корень, ищи причину, по которой этот народ склонен предавать себя и убивать лучших своих сыновей...

– Никто к книге не приступится,
Никто к божьей не пришатнется,

Приходил ко книге премудрый князь,
Премудрый князь Волотоман Волотоманович:
«Ты вещей Боян Дивеевич,
Скажи, сударь, пропой нам,
Кто сию книгу напisyвал,
Соколиную кто поведовал?»

Тут Баим прервался, отложил гусли, и улыбнулся Нетоту:

– А дальше рассказывается о том, что каждый человек этого мира должен знать, потому что так этот мир создавался. Ты, кажется, хотел учиться? Значит, ты охотник за знаниями?

– Да, но не останавливайся, пой!

– Это большая песнь. В ней о том, как сам Боян Дивеевич читал книгу три года, а прочитал всего три листа. А на этих листах о том, как зачался этот белый свет, и от чего у нас солнце красное, и млад-светел месяц, и звезды частые, и ветры резвые, и отчего у нас ум-разум, мысли буйные, кости крепкие, кровь-руда, сам мир-народ как появился. И о том, от чего у нас волхвы пошли, и цари появились, князья, бояре и прочие воины и ремесленники. А еще там, какое древо всем деревьям матери, и какой зверь всем зверям отец, и какая рыба всем рыбам мать, и какая птица всем птицам прародительница...

– Не сможем послушать? – спросил Нетот.

– Обязательно слушаем, и не один раз. Чтобы ты запомнил все, что родовитый человек знать должен.

– Ну да!

– Однако, время мое сегодня коротко, и ты должен собраться. Тебе сейчас для твоей битвы какие знания нужны? У тебя никакие вопросы за последний год не появились?

– Вообще, появились, – собрался вдруг Нетот и обратился взором внутрь себя. – Появились... Где мои глаза? Кто я? Куда я все время иду?

– Так, может, тебе их и задать?

– Я уже задал.

– Не мне такие вопросы задавать надо. А тому, кто их отгадать может.

– А кто может?

– Голымба может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.